

Христианство и социализм

1. ПЕРВОЕ ИСКУШЕНИЕ ХРИСТА В ПУСТЫНЕ

Каждому памятен евангельский рассказ об искушениях Христа в пустыне и, в частности, о первом из них. "И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним жив будет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих" (Мф. 4, 2-4). Всякое искушение содержит в себе некую правду, извращенную, однако, до односторонности и лжи. Чувство голода, угрожающего истощением, свидетельствует о какой-то обидной слабости человека, благодаря которой он оказывается пленником природной стихии; этот плен не может быть рассматриваем как нормальное, достойное состояние человека, он рвется из него на свободу силою своего творческого духа. И в божественной мощи этого духа заложена сила повелевать природой, делать из камней хлебы. Эту силу имел и явил Богочеловек, Который при других обстоятельствах насыщал тысячи народа в пустыне несколькими хлебами и рыбами; стало быть, ничего по существу невозможного для Него не предлагал Ему искушитель. Ложь сатаны состояла лишь в том, что божественную мощь он советовал использовать для временных целей темного, смертного бытия, как бы превратить ее в орудие магии и колдовства. Но Сын Человеческий пришел не за тем, чтобы с наибольшим удобством устроить нас в этой темной, греховной и смертной жизни, но чтобы спасти от нее, победив ее в самых ее основах. Борьбаться со злом мира сего средствами этого же мира и в его пределах совсем не входило в задачу Искушителя мира. Это значило бы признать его всепобедную мощь и обратиться к устройению царства от мира сего. Между тем мир этот в данном состоянии должен быть разрушен, перейдя в иную плоскость бытия, в которой естественно теряют силу все эти тяготы и соблазны. Иначе говоря, искушитель хотел Спасителя мира сделать пленником этого мира, а вместе и для него мессией, мировым реформатором, вооруженным для этой цели сверхчеловеческой мощью. Эта мощь, конечно, была достаточна, чтобы совершенно и окончательно разрешить все хозяйственные вопросы всеобщим превращением камней в хлебы, устроив царство земного благополучия, окончательно упрочить мир в его данном состоянии, установить "рай на земле". Повторяем, сила искушения была в относительной правде его мотива. Сын Божий действительно взалкал в пустыне и не от Своего только лица, но и вместе со всем человечеством, которое томится в цепях голода и теряет человеческий образ в непосильной борьбе с природой. Ведь, и в самом деле, разве же мы не знаем, что голод разрушает не только тела, но и души, порождает нравственное существо, толкает на грех и преступление? И разве не является поэтому действительно соблазнительной мысль о том, чтобы прежде всего и какую угодно ценой победить голод, разбить цепи бедности, и тогда уже спрашивать о небе? Это обеспечивало бы для Иисуса, конечно, и верный успех Его проповеди, а отнюдь не сулило Голгофы. Не даром же толпы народа, которые питались в пустыне Его словом, когда, вкусив хлеба и рыб чудесного насыщения, стали говорить то, чего, очевидно, они не говорили, даже слушая Его слово:

"это истинно тот пророк, которому должно придти в мир". И здесь же в Евангелии присоединена и такая черта: "Иисус же узнав, что хотят придти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один" (Иоан. 6, 14-15). Так велико было немедленное действие только одного насыщения. Тот, кто овладел бы силой делать это всегда и для всех, естественно становился царем этого мира и в своей мощи получал источник власти над ним, царство от мира сего. Итак, вот о чем шла речь в этом бездонно глубоком по значению разговоре в пустыне в первой его части: что надо положить в основу спасения человечества и заботы о нем: надо ли немедленно освободить его от хозяйственного пленения превращением камней в хлебы, или же оставить до времени нетронутой стихию мира и всю борьбу за спасение перенести в человеческое сердце! Каким надо пойти путем - хозяйственным или религиозным в деле спасения мира? И был ответ: человек живет не одним хлебом, как думают многие, но всяким словом Божиим. Существует иной закон, иная сила жизни, которая превозмогает неодолимую стихию мира. Нельзя поверить мощи этой стихии до такой степени, чтобы ее и сделать основой спасения человечества, ибо оно, лишившись слова Божия, зачахнет и иссохнет духовно. Надо идти через этот мир, но ему не веря: вот истинный путь Сына Божия и следующих за Ним, иначе подчинение этому миру лишь маскировалось бы хозяйственным им овладением. И в ответе Христа на первое искушение предрешается уже, вместо славы земного мессии, чудотворца и благодетеля, жизнь в нищете и скитаниях, не имея где главы преклонить, а в перспективе - Голгофа.

Справедливо говорит Достоевский, что явно чудесна глубина содержания этих немногих строк евангельского рассказа: в них предопределено духовное содержание всей истории человечества, и смысл их становится все вразумительней при свете исторического опыта. «Страшный и умный дух (читаем у Достоевского в речи Великого Инквизитора, обращенной к Христу) говорил с Тобой в пустыне и нам передано в книгах, что он будто бы "искушал" Тебя. Так ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннее того, что Он возвестил Тебе в трех вопросах и что Ты отверг и что в книгах названо "искушениями"? А между тем, если было когда-либо на земле совершенно настоящее громовое чудо, то это в тот день этих трех искушений. Именно в появлении этих трех вопросов и заключалось чудо. Если бы возможно было помыслить лишь для пробы и для примера, что эти три вопроса страшного духа бесследно утрачены в книгах и что их надо восстановить, вновь придумать и сочинить, чтобы внести опять в книги, и для этого собрать всех мудрецов земных, правителей, первосвященников, ученых, философов, поэтов и задать им задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такие, которые мало того, что соответствовали бы размеру события, но и выражали бы сверх того в трех только фразах человеческих всю будущую историю мира и человечества, то думаешь ли ты, что вся премудрость земли, вместе соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силе и глубине тем трем вопросам, которые действительно были предложены Тебе тогда могучим и умным духом в пустыне. Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вековечным и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах человечества и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы по всей земле».

«Вспомни первый вопрос: хоть не буквально, но смысл его тот: "Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы... А видишь ли сии камни в этой нагой и раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за Тобою побежит человечество, как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что Ты отнимешь руку Твою, и прекратятся им хлебы Твои. Но Ты не хотел лишить человека свободы и отверг предложение,

ибо какая же свобода, рассудил Ты, если послушание куплено хлебами. Ты возражал, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя дух земли и сразится с Тобой и победит Тебя, и все пойдут за ним восклицая: "кто подобен зверю сему, он дал нам огонь с небес". Знаешь ли Ты, что пройдут века, и человечество провозгласит устами премудрости своей, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. "Накорми и тогда спрашивай с них добродетели". Вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится храм Твой. На месте храма Твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь строямая Вавилонская башня»'. И первое искушение в грандиозных, никогда еще доселе невиданных размерах переживается в наши дни, когда человечество, приобретя некоторое частичное умение превращать камни в хлебы, поверило в это превращение как единственный путь спасения человечества. Оно, вняв голосу искушителя, соблазнилось его соблазном. Это и есть религиозный соблазн социализма.

II. СВОБОДА ОТ ХОЗЯЙСТВА И СВОБОДА В ХОЗЯЙСТВЕ

Социализм хочет извести человечество из плена хозяйственной неволи, которая тяготеет над всем человечеством. Труд в поте лица с терниями вместо хлеба - таков удел человечества на земле проклятия. Земля стала вместо матери мачехой для человечества, и только тяжелым неусыпным трудом отстаивает оно свое существование. Жизнь превратилась в борьбу за существование, о которой настойчиво учит современная наука, в борьбу с бедностью, которая выражается в стремлении к богатству. И эта хозяйственная забота изнуряет дух человека, а хозяйственный труд напрягает его силы. Поэтому, естественно возникает вопрос: нельзя ли вообще освободиться от хозяйственного плена, завоевать свободу от хозяйства? Этот голос звучит в человеке тем настойчивее, чем ощутительней становится для него этот хозяйственный плен, чем тягостнее он его переживает. Именно в наши дни, когда хозяйственное овладение природой, или "производство богатств" достигло небывалых размеров, в веке всеобщего экономизма мысли и жизни становится наиболее сильным это желание обрести хозяйственную свободу, перейдя в некое сверх-хозяйственное или вне-хозяйственное состояние. Эту победу над хозяйством и сулит теперь социализм, обещающий, по выражению Маркса, прыжок из царства необходимости в царство свободы.

Самую свободу от хозяйства можно представлять себе, однако, двояким способом: как свободу духовную, достигаемую напряжением духовных сил, и как свободу чисто хозяйственную, осуществляемую через хозяйство, так называемым "развитием производительных сил". Первая достижима на пути религиозном, указуемом христианством, а также и другими религиями, например, буддизмом, вторая же соответствует социалистическим обетованиям.

Буддизм учит своих последователей совершенному бесстрастию, умиранию для мира, в котором обессиливается, притупляется чувство и хозяйственной неволи. Совершенная нечувствительность к лишениям, смерть заживо, есть идеал буддийского подвижника, он презирает и пренебрегает хозяйством вместе с другими мирскими силами. Конечно, этот идеал может быть по плечу только исполинам подвижничества, но в меру его вмещения достигается свобода от хозяйственной тревоги, нужда изгоняется из сердца, хотя и сохраняет силу над телом.

Христианство указывает путь совершенной свободы от хозяйственной заботы: Христос учит не заботиться о завтрашнем дне, жить, как птицы, и цвести, как полевые лилии, предоставляя себя заботе Отца Небесного. И кто силой веры и религиозного подвига способен всегда чувствовать на себе эту любовь и попечение Небесного Отца, тот становится чадом Божиим, он свободен и от хозяйственной неволи, свободен такой свободой, которая и не снилась социалистам. Для него святая бедность становится обрученной невестой, с которой он испытывает блаженство. Чтобы постигнуть это, достаточно вызвать в памяти пленительный образ Франциска Ассизского, который свою святую жизнь превратил в гимн добровольной бедности как высшему блаженству. Эта победа над миром, рождающаяся из полноты веры в Бога и из неверия в силы мира и даже в самую страшную из них силу голода, сопровождается чувством непрестанно совершающегося чуда любви Божией к миру, но она ведет и к действительному изменению законов естества. Мы знаем, что подвизавшиеся многие годы в пустыне могли неделями и месяцами оставаться вовсе без пищи и вообще довольствоваться столь ничтожным ее количеством, какое невозможно было бы для обыкновенного человека. Это указывает, что христианский путь к хозяйственной свободе ведет не через хозяйство, а как бы поверх него, через преобразование человеческой природы, ибо не хлебом одним живет человек, но и всяким словом Божиим. Хозяйственный плен человека есть не первопричина, но следствие, он вызван общим изменением человека в отношении к природе, которое явилось результатом греховной порчи самого человеческого существа. В мир вошла смерть, жизнь стала смертной, отсюда и появилась губительная зависимость человека от пищи, от стихий мира, овладение которыми все равно не спасет его от ранней или поздней смерти. Плен хозяйства это есть сила смерти, господствующая в людях; вкушая жизнь, мы вкушаем и смерть. И только Спаситель мира. Победитель смерти дает нам пищу живота вечного Телом и Кровью Своею. Насколько герои веры, святые подвижники уже в нынешнем веке дышат воздухом воскресенья, будущего века, для них теряют частично силу и законы этого мира, у них иная физиология. Но и каждый верующий христианин в меру своей веры должен охранять свою духовную свободу от хозяйства, не отдавать себя всего и до конца хозяйственной работе, не признавая хозяйственной стихии первой и определяющей человеческую жизнь и свободу. Человек даже и в состоянии самого тяжкого хозяйственного плена может, а потому и должен чувствовать в себе сына Божия, призванного к свободе. Он не должен духовно ощущать себя пленником этого мира, даже и неся на себе его оковы, ибо в сердце своем, в вере своей он имеет залог иной жизни, иного закона - любви божественной. И только такую внутреннюю свободу от хозяйства, такую победу над его соблазном и должно религиозно ценить, - ее может дать себе только сам человек, но не дадут ее никакие хозяйственные реформы. "Где сокровище ваше, там и сердце ваше". Самое богатое развитие производительных сил, экономический расцвет может сопровождаться таким порабощением человека хозяйственной стихии, таким духовным его пленением, какого не наблюдается и при крайней бедности. Вообще трудно "надеющемуся на богатство", ему отдавшему свое сердце, входить в царство небесное, подниматься к духовной свободе. Итак, пути христианской свободы и свободы в хозяйстве могут расходиться или не совпадать. Во всяком случае, хозяйственная свобода для христианской свободы не имеет решающего значения.

Однако христианство серьезно и строго относится к хозяйственным обязанностям человека. Он не должен снимать с себя всеобщей повинности труда, возложенной на него заповедью Божией. При том мир этот есть создание Божие, Божий сад, хотя и запущенный и заросший сорными травами. Человек не наемник, чуждый природе, он призван царствовать над нею. Труд имеет незаменимое значение для человека как средство воспитания воли, борьбы с дурными наклонностями, наконец, как возможность служения ближним. Поэтому влияние

христианства в хозяйственной истории привело к тому, что оно безмерно подняло сознание достоинства труда, не признававшегося в древнем мире, а в частности, и хозяйственного "производительного" труда. Не даром же христианские монастыри оказались очагами хозяйственной культуры, а аскеты усерднейшими подвижниками труда. Одним словом, можно сказать, что христианство оздоровило и укрепило хозяйственную жизнь Европы, внеся в нее новую и огромную силу - моральный авторитет труда. Насколько христианство каждому велит блюсти в себе свободу от хозяйства, не позволяя заботе до конца овладеть сердцем, повелевая оставаться духовно свободным от хозяйства при всяком хозяйственном строе, настолько же решительно оно никому не позволяет освобождать себя от труда, под тем или иным предлогом. Труд обязателен для всех: кто не трудится, да не ест. Это христианское уважение к труду, восстановившее его авторитет, нечувствительно переродилось в то превозношение труда и самопревозношение рабочего класса, которое отличает современную "демократию". Такое самопревозношение, конечно, глубоко чуждо духу христианства. Оно возникает не из понимания труда, как религиозного послушания, наложенного на нас как средство воспитания и как долг перед природой, но из человеческого самоутверждения, которое мнит труд всемогущим.

Поэтому христианство знает свободу в хозяйстве, но не обещает свободы от хозяйства и через хозяйство. Напротив, христианство видит в нем лишь одно из последствий греха, и даже нельзя желать освободить человечество в его данном состоянии от хозяйственного труда. В самом деле, лишь представим себе на минуту, что найдено действительно средство превращать камни в хлебы, т.е. не только снять всю тяготу хозяйственной заботы, но сделать природу вполне послушной желаниям человека, как это изображается в социалистических мечтаниях. Как употребил бы свой досуг, невероятную свою свободу человек в его теперешнем состоянии? Какую пустоту и томящую скуку, какую неистовую тоску ощутили бы тогда люди! Стремление уйти от себя, "развлечь" себя, приняло бы подавляющие размеры, но все более притуплялась бы чувствительность, и мрак беспросветности ложился бы на человечество, оставленное вдруг наедине со своими страстями, пороками и слабостями. Вырождение одних и отчаяние других, благороднейших, было бы неизбежным итогом этого мнимого благодеяния.

Ф.М. Достоевский в Дневнике Писателя однажды затронул эту тему. "Если бы черти сразу показали свое могущество и задавили бы человека своими открытиями, если бы все знания так и свалились на человечество и, главное, совершенно даром, в виде подарка (как и достанутся они будущим поколениям, о которых и мечтает социализм), что бы тогда случилось с людьми? О, конечно, сперва пришли бы в восторг. Люди обнимали бы друг друга в упоении: они вдруг почувствовали бы себя осыпанными счастьем, зарытыми в материальных благах, они, может быть, ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайные пространства в 10 раз скорей, чем теперь по железной дороге, извлекали бы из земли баснословные урожаи, может быть, создали бы химией организмы, и голодным бы хватило по 3 фунта на человека, словом, ешь, пей и наслаждайся! Но вряд ли и на одно поколение людей хватило бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже больше нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них украл все разом; что исчез человеческий лик и настал скотский образ раба, образ скотины, с той разницей, что скотина не знает, что она скотина, а человек узнал бы, что он стал скотиной. И загнило бы человечество; люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои в муках, увидя, что жизнь у них взята за хлеб, за камни, обращенные в хлебы. Поняли бы люди, что нет счастья в бездействии, что погаснет мысль нетрудящихся, настанет скука и тоска..."

Вот почему далеко не всякое сокращение рабочего дня, обеспечивающее не только отдых, но и досуг, является безусловным благом. Нужно не только хозяйственно, но и духовно дорасти до короткого рабочего дня, умея достойно употребить освобождающийся досуг. Иначе короткий рабочий день явится источником деморализации и духовного вырождения рабочего класса. И здесь имеет силу закон, что не о хлебе едином живет человек, но и о всяком слове Божиим.

Тем не менее, именно такая свобода от хозяйства, или некоторое сверххозяйственное состояние, составляет мечту социализма. "Развитием производительных сил", производством богатства, будет достигнута фактически неограниченная способность человека повелевать природой. О том, как будет справляться человек с этой свободой, здесь даже не спрашивается, ибо заранее предрешено, что все порочные наклонности человека происходят от бедности и побеждаются вместе с нею, ибо вообще человек всецело зависит от хозяйства: "есть то, что он ест". Этот догмат экономического мировоззрения, со всей решительностью выраженный в марксизме, присущ в большей или меньшей степени всем социалистическим учениям. Для них не существует самостоятельного вопроса о духовном содержании этой свободы от хозяйства, они довольствуются тем, что стремятся более или менее научно доказать всю неизбежность, закономерность наступления этого чуда. Ибо, конечно, можно считать только чудом подобный переворот в условиях существования человечества, которое сначала находится всецело в духовном плену от хозяйства, им во всех отношениях определяется, а затем вдруг оказывается от него совершенно свободным и независимым. Идею такого исторического чуда, точнее, чудесного, сверхъестественного переворота в истории мы сиздавна встречаем в человечестве, в ней нет ровно ничего нового. С наибольшей силой она выявлена в иудейских чаяниях мессианского царства, столь распространенных среди еврейства перед пришествием Христа. В многочисленных произведениях еврейской письменности этой эпохи (носящих общее наименование "апокалипсисов") выражалось то убеждение, что приближается наступление земного царства мессии. Оно надвигается совершенно закономерно, так что эта закономерность может быть "научно" (по тогдашнему пониманию) познана и установлена. Оно, это царство, должно подготовляться революцией, но осуществлено будет чудесным явлением мессии (ему соответствует в современном социализме представление о социальной катастрофе, возникающей на известной ступени развития капитализма, при которой уже "лопается его оболочка"). В этом смысле современный социализм представляет собой возрождение древнеиудейских мессианских учений, и К. Маркс, вместе с Лассалем, суть новейшего покроя апокалиптики, провозвещающие мессианское царство. Однако есть и разница между древними и новейшими апокалиптиками, и нужно сознаться, не в пользу последних:

первые откровенно верили в чудо, - в сверхъестественное вмешательство мессии, вторые же вводят чудесный элемент лишь замаскированно, и благодаря этому у них концы не вполне сходятся с концами. Дело в том, что современные учения об определяющей роли хозяйства в человеческой жизни обычно связываются с дарвиновским учением о борьбе за существование, как всеобщем законе жизни. В мире царит борьба, сильный истребляет слабого, этим устанавливается естественный отбор и усовершенствование видов. Так это в мире животных. В мире человеческом этому соответствует борьба классов или общественных групп, возникающая на основе хозяйственных отношений. Вся история человечества до сих пор есть, по мнению Маркса, в сущности своем экономическая борьба классов. Если бы эта мысль высказывалась в столь же всеобщей и непререкаемой форме, как учение Дарвина, это было бы, по крайней мере, понятно и последовательно. На самом же деле оказывается, что

эта борьба за существование, имеющая силу для всей прошедшей и настоящей истории, прекратит почему-то свое действие на будущую эпоху, и из волчьей стаи получится вдруг социалистическое братство. Такая отмена того, что является, по мысли социалистов, как бы непреложным законом природы, может быть признана только чудом, которого, однако, вообще вовсе не допускается сторонниками этого учения (между тем как оно открыто вводилось древними иудейскими апокалиптиками).

III. ОГРАНИЧЕННОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ МЕЧТАНИЙ

Но допустим, что социалистические мечтания о сверххозяйственном "государстве будущего" имеют достаточные научные основания (чего мы на самом деле вовсе не думаем). Все-таки нельзя не признать этого идеала бескрылым, рабским и ограниченным, хотя социализм и гордится обычно своей революционностью и радикализмом. Это становится особенно ясно при сопоставлении с христианской верой. Христианское обетование открывает верующим, что в жизни будущего века, которая наступит после всеобщего воскресения и суда, будет новое небо и новая земля, где же правда живет. Вся тварь обновится, и для воскресшего человечества, единого во Христе, будет восстановлено изначальное, эдемское отношение к миру как саду Божию. Преграда и средостение, стоящие ныне между человеком и природой, утратят свою силу. Всеобщее воскресенье есть и всеобщий космический переворот. Человечество, действительно, воцарится в природе. Правда, это невозможно для человека в теперешнем его состоянии, в пределах истории, ибо может быть лишь чудом всемогущества и премудрости Божией. Их место в социалистических построениях занимают мертвые силы хозяйства, развитие "экономического базиса": в его силу, в его мудрость и всемогущество предлагается здесь верить в качестве Промысла Божиего. Даже и не разделяющий христианской веры должен будет признать, что только в ней дается утешение сердцу, полный ответ на все запросы любви, звучит голос человеческого достоинства. Но что мы находим в социализме? Прежде всего, относительно природы здесь мы имеем только идеал расширенной фабрики, благоустроенного города и сельского поместья. Преобразование жизни не распространяется на общее отношение человека к природе, которое остается прежним и неизменным; оно ограничивается хозяйственными нуждами человека. Отношение же его к природе остается столь же корыстным и нелюбовным, предпринимательским, как и теперь, отчуждение от матери-земли, которую так умели чувствовать народы и научали чтить многие религии, - здесь как бы увековечивается. Отношение к природе в социализме только хозяйственно, а потому и корыстно, ограничено данными потребностями. Фурье был единственный из новых социалистов, который связывал свои социалистические мечтания с весьма широкими и смелыми (хотя и фантастическими, но в сущности не безынтересными) построениями мирового, космологического характера, но за это он и признается в истории социализма слегка полоумным, а учение его ненаучным ("утопическим"). Другое исключение мог бы составить русский мыслитель Н.Ф. Федоров, который, впрочем, не относится к социалистам. По его мысли, человечество призвано научно овладеть не только землей, но и небом, управляя движением земного шара по надобности и желанию. В этом овладении мировыми силами, "регуляции природы", Федоров видел исполнение долга перед нею со стороны сынов человеческих, воистину ставших сынами Божиими.

Но ограниченность социалистических мечтаний ощущается еще с большей силой, граничит уже со слепотой в другом отношении. Здесь разумеется поразительное равнодушие потомков к своим умершим предкам, то, что можно, пожалуй, назвать духовным каннибализмом, пожиранием предков, наблюдаемым у некоторых дикарей. Действительно, дело имеет здесь

такой вид, что эти будущие поколения, достигшие социалистического земного рая и стоящие при этом на плечах всего предшествующего человечества, будут предаваться тупому своему блаженству, эгоистически и кощунственно забывая о цене этого рая, о тех бесчисленных трудах и жертвах, которые понесены для его создания. Снисходительно или презрительно будут говорить они о варварстве этих поколений (как и теперь говорят нередко о прошлом), в лучшем случае будут отдавать в отношении к нему дань исторической любознательности, но, конечно, любящим сердцем, их понимать не будут, не имея к тому мотивов. Ведь этих предков уже нет, они были и умерли, осталась одна отвлеченная идея, историческое воспоминание. Потому остается пользоваться как бы этой исторической рентой, ими накопленной. Эта картина пиршества потомков на могилах предков отвратительна по своей грубости и цинизму, и здесь фактически упраздняется то самое человечество, именем которого вершатся дела прогресса, разрывается на отдельные, обособленные, друг друга не помнящие поколения. Здесь социализм, пожалуй, мог бы быть завершён и восполнен смелою мыслью того же Н.Ф. Федорова, знаменитым его "проектом". Мысль эта сводится ни более, ни менее как к воскрешению предков, к воссозданию жизни отцов их благодарными и помнящими сынами посредством научной "регуляции" природы. Знание, надлежаще направленное, должно найти средства, чтобы вновь собрать тела из материальных частиц и затем оживить их. В исполнении этого долга воскрешения Н.Ф. Федоров видит высшую задачу человечества, разрешением которой оно станет воистину достойно считаться сынами Божиими, исполнителями Божиего дела: даровое, данное и потому неустойчивое они заменяют трудовым, воссозданным и потому не имеющим конца. "Проект" Федорова для него имеет религиозный смысл. Он видит в своем "проекте" исполнение христианской заповеди любви и братства. И этот замысел сочетается у него с непреложной верой в бессмертие человека, для которой смерть есть лишь болезненный и временный разрыв души и тела. Этот "проект" вызывает, конечно, немалые недоразумения именно с религиозной точки зрения: можно ли научно-механическими средствами возратить в тело душу, которая пребывает в неведомом для нас загробном состоянии в руке Божией? Не являются ли жизнь и смерть как бы новыми творческими актами Божества, которые вовсе не находятся в распоряжении человека? Однако как бы ни были справедливы эти сомнения и возражения, которые могут быть выдвигаемы против Федоровского "проекта" со стороны религиозной, они не имеют силы для нерелигиозного, материалистического социализма, если бы он направил в эту сторону свое внимание. Но характерно, что мысль эта, насколько известно, ни разу не появлялась в социалистическом кругозоре: все понимание и интерес направляются здесь на судьбу последних поколений, благополучие которых и является целью истории. Впрочем, надо сказать правду, что "проект" воскрешения или трудового, научного восстановления жизни сулит мало утешения при отрицании личного бессмертия, и социализм имеет основание оставаться к нему равнодушным. В самом деле, допустим, что и удалось бы научными средствами создать живые манекены, которые вполне воспроизводили бы умерших, и даже по составу материальных частиц были бы тождественными с их телами. Но ведь это была бы, тем не менее, чудовищная подделка:

единство и тождество личности устанавливается духом, а не меняющимся составом материального тела; но при отрицании духовного начала жизни, к чему же сведется тождество умершего человека и воссозданного его двойника? Только к очень большому, максимальному сходству, которое, как бы ни было оно велико, никогда не делается тождеством и простое повторение не превратит в непрерывное продолжение одной и той же жизни. Поэтому и мысль об искусственном воскрешении бессмертного человека излишня, ибо воскресит его Бог Своєю властью в назначенный срок, мысль же о воскрешении

смертного ложна и прямо чудовищна. Однако характерно это отсутствие самой мысли о предках, памяти сердца о них в социализме. Только в религии и, прежде всего, в христианской церкви есть эта память предков, ибо нет здесь живых и умерших. Для Бога все живы, и Он есть Бог живых, а не мертвых. Только здесь, в молитвенном поминовении, творится непрестанная память об усопших, в надежде и вере грядущего всеобщего воскресенья.

IV. СОЦИАЛИЗМ И ГУМАНИЗМ

Христианство учит, что человеческое естество повреждено грехом. Природа человека больна, и эта болезнь проходит чрез всю его жизнь, отравляет все ее проявления. Лишь неусыпной бдительностью, неослабевающим самоконтролем способен человек преодолевать свою природу, возводить себя к естественному своему совершенству, выявлять свой идеал. Поэтому человеку надо вести безостановочную борьбу с самим собой, с греховным своим естеством. Он не должен безотчетно отдаваться своим естественным стремлениям только потому, что они у него явились. Напротив, он всегда должен поверять себя по высшему идеалу жизни, который дается христианской религией, евангельским учением и, прежде всего, образом Христа. Это не значит, чтобы человек должен непременно уничтожать и отсекал все творческие свои порывы, потребности и стремления, из которых развивается деятельность культурная, хозяйственная, государственная. Это значит лишь, что все эти многообразные области деятельности человеческой подлежат суду и контролю религиозной совести, и каждая из них может служить источником соблазна для человека, угрожать пленом и гибелью для его души. Для христианства возможно признать и допустить не самодовлеющую, но аскетически контролируруемую культуру. Этот контроль, конечно, должен быть не внешний, а внутренний. Он не только не противоречит свободе человека и не связывает его творческого духа, но даже, напротив, расправляет надлежащим образом духовные крылья, ибо только при таком самообладании и существует эта свобода. Этот же идеал аскетической культуры, духовно связанной единством высшей цели, предносился и Платону, когда он рисовал царство философов в своей "Республике". Этим аскетическим духом проникнута и вообще всякая религиозная культура, даже и вне христианства, и не только иудейская, но и египетская, эллинская, римская, конечно, каждая по-своему, в соответствии своей природе. Аскетизм опирается на известное недоверие к человеческой природе, точнее, к данному ее состоянию. Он не преклоняется пред голой данностью, силой факта, не принимает того или иного стремления только потому, что оно существует и способно удовлетворять какую-либо наличную потребность, быть может, и не заслуживающую удовлетворения, нуждающуюся скорее в подавлении.

В противоположность этому религиозно-аскетическому самоощущению человека, начиная примерно с XV в. и до наших дней, выдвигается новое миропонимание, которое зовется в истории гуманистическим. Из этого мироощущения родилась и новая европейская культура. Здесь провозглашается полное доверие к человеческой природе в ее данном состоянии. Человеку присущи естественное здоровье, гармония и совершенство. Он все, что ему нужно, может найти в себе и своими силами. Он не нуждается в сверхъестественной помощи, ибо имеет в своей природе все. Вообще нет ничего выше человека, при том не в идеальном его первообразе, но именно в его теперешнем состоянии. Правда, ему многого, бесконечно многого надо достигнуть еще на историческом пути, но он это и сделает своими силами без всякой помощи. Он не нуждается в божественной благодати или чуде и даже не хочет его, ибо он сам по себе есть бог, хотя и еще только становящийся. Поэтому все упования

человека, все его внимание переносится здесь на те достижения, которые совершены и могут еще совершиться в поступательном движении истории или так называемом прогрессе. Прогресс и есть настоящее божество для религии человекобожия. В прогрессе разрешены будут все противоречия жизни и устранена всякая ее дисгармония.

В числе других частных выводов гуманистического мировоззрения одним из важнейших практических его приложений является и социализм, который есть потому духовное порождение эпохи Возрождения. В настоящее время социализм представляет собой, можно сказать, влиятельнейшую разновидность гуманизма, заслоняющую собой остальные. Социалистическое учение о человеке, без различия оттенков, имеет в основе своей веру в беспредельную способность человеческой природы к совершенствованию, если только она поставлена в соответствующие условия. Мысль о грехе, о силе греха, о греховной порче, о губительной стихии страстей, о трагических противоречиях человеческой природы далека социалистическим верованиям. Их представление о человеке вообще бедно и поверхностно. Для большинства этих учений человеческая природа есть просто *tabula rasa*, чистая доска, на которой пишет то или другое содержание социальная среда. Более вдумчивые и сознательные из них останавливаются на вопросе о человеческой природе и отвечают на него иногда в таком смысле, что, хотя отдельные индивиды ограничены и имеют недостатки, но для всего человеческого рода последние сглаживаются, плюсы погашаются минусами, и целому роду во всяком случае принадлежит совершенство (Фейербах). Еще более радикальную постановку этого же вопроса мы находим у Ш. Фурье, единственного из социалистов, у которого нашлось достаточно глубокомыслия, чтобы поставить коренным образом вопрос о природе человеческих страстей. Он решается в этом интересном (и недостаточно еще оцененном) учении с безграничным оптимизмом. По мнению Фурье, страсти суть благие силы, вложенные Творцом в человека. Они приносят зло лишь потому, что находятся в дисгармоническом положении, люди не умеют владеть их силой. Для этого надо их научно познать и соответственным образом сочетать, так, чтобы для каждой склонности нашлось свое полезное употребление. Это возможно, если взять достаточно обширные общины, в которых бы находилось место для применения разных склонностей и разных страстей. Порочных же или греховных наклонностей и вообще не существует. Страсти имеют себе параллели и соответствия в силах природы, в звуках, цветах, а также в других мирах. Поэтому возможность естественной гармонии дана уже в природном строе этого мира, и социализм только призван выявить эту возможность. Хотя большинство социалистов обычно относится к учению Фурье как бы несколько конфузливо ввиду его странностей, однако здесь мы имеем самую глубокомысленную, даже единственную попытку социалистической антропологии. Обычно же вопросы антропологии совершенно и без остатка растворяются в социологии, вопрос о человеке подменяется вопросом о природе и строении общества. Человечество рассматривается как состоящее не из отдельных личностей, из которых каждая есть свой особый мир, но из общественных групп, которые определяются своим местом в строении целого. Этот социологизм отличает все наиболее влиятельные социалистические учения XIX в. Вместо личности возникает представление о безличной социальной среде, которая существует над личностями и их собой определяет. В разных учениях подставляются только различные понятия в эту общую формулу: для Р. Оуэна началом, определяющим человеческий характер, является общественная среда, для К. Маркса и его последователей - класс и отношения классов.

Поразительна при этом противоречивость социализма. С одной стороны, здесь поддерживается общегуманистическая вера в человека, на которую и опирается вера в

прогресс и в его радужные дали, а с другой - в социализме совершенно упраздняется человеческая личность, которую так умело ценить и лелеять ранее, творческое Возрождение: вместо нее ставится всеопределяющая социальная среда. Всякие творческие порывы, исходящие от личности, гасятся в этих безличных сумерках социологизма. Отсюда рождается и дальнейшее также неисходное противоречие социализма. Он преисполнен убеждения, что прогресс совершается социологически закономерно, причем, конечно, законы эти имеют силу и над отдельными лицами. В то же время практически всякое движение в истории совершается чрез личности, ибо только личности принадлежит действительность. Призывая к реформе, к революции, социализм принужден обращаться к личности, призывает их как бы к послушанию социальных законов, к тому, чтобы перерасти данную социальную среду, возвыситься над ее всесилием. Согласно учению социологизма, обществом правит железная необходимость, и она руководит и человеческими желаниями и поступками. Напротив, согласно практической модели социализма, личность своим усилием должна стремиться к тому, чтобы прорвать эту цепь силою своей личной мощи, своей свободы. При всеобщей вере в прогресс остается безответным вопрос, кто же является здесь зачинателем, носителем этого прогресса? Откуда найдется у него для этого сила? Если дан мир негодяев, то откуда же возьмется добродетель для его преобразования? Эта несообразность особенно очевидна была в учении Р. Оуэна, который теоретически исповедовал полную безответственность человека, в виду того, что характер всецело определяется общественной средой, но в то же время своим собственным примером и деятельным духом своего учения призывал к ответственной, творческой работе, к личному почину. Тем же самым противоречием раздирается и марксизм, который мнит, что он предсказывает будущий социализм как лунное затмение, а в то же время для достижения этого лунного затмения хочет основывать партию (Штаммлер). Вообще социализм изнемогает от своего бессилия сочетать учение о закономерности общественного развития, свой социологизм, со своим же собственным деятельным характером, революционизмом. Он оказывается безответен перед основным вопросом, что же такое человек, какова природа человеческой личности, человеческого общества? Каковы его задачи, цели, достижения? К чему ведет "прогресс"? В чем смысл истории?

V. МЕЩАНСТВО ("БУРЖУАЗНОСТЬ") СОЦИАЛИЗМА

И с этой духовной немощью и пустотой современного социалистического движения находится в связи основная черта: его глубокое мещанство - "буржуазность". Да, не имея в своем лексиконе более уничижительного слова, чем "буржуазия", сам социализм духовно пропитан этим самым мещанством; он отравлен духом тех самых "буржуев", которым он завидует и (которых) ненавидит. Это давно уже было подмечено наблюдательными умами. Известно, что вопли о мещанстве европейского социализма вырывались еще у А.И. Герцена", для которого весь европейский мир представлялся расколовшимся на два стана: буржуа имущих и боящихся за свое достояние и буржуа неимущих, но завидующих чужому достоянию. Герцен противопоставлял западному социализму наш русский. Но что он мог бы сказать в наши дни, когда русский рабочий класс проявил такие аппетиты, такой классовый эгоизм, что уже вполне заслужил название социалистических "буржуев" или мещанских социалистов. Можно различно определять мещанство. Вернее всего, оно может быть понято через противопоставление религиозному мироощущению, для которого руководящими являются не личные и не здешние, потусторонние ценности из царства не от мира сего, между тем как для мещанства все исчерпывается интересами и успехами этого мира. Мещанство есть духовная опасность, которая всегда подстерегает всякую душу на пути ее

религиозной жизни, оно есть болезнь духа, его расслабление и отяжеление. В социализме же мещанство приобретает, можно сказать, воинствующий характер. Здесь борьба за свои экономические интересы, личные и классовые, проповедуется как основное, руководящее начало жизни. Удивительно ли, что когда социализм показывает свое подлинное лицо, как теперь в России, где все обезумели в какой-то оргии хищничества, то лицо это выглядит мещанским до отвратительности, в нем обнажаются самые низкие, животные инстинкты человеческой природы. Таков духовный лик и современного русского социализма, этого "социал-буржуизма". Своей проповедью мещанства социализм обедняет, опустошает душу народную. Он сам с ног до головы пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм навыворот. Он может организовать массы для достижения элементарных целей на почве экономической борьбы, но при этом незаметно принижает их духовно. Вот почему социализм обычно враждебен религии, как и всякому духовному, не мещанскому подъему, враждебен искусству, вообще истинной культуре. Он мертвит своим дыханием народную душу. Поэтому-то социализм так легко вульгаризуется, т.е. разменивается на самую мелкую ходячую монету, сливается и отождествляется с самыми простыми и житейскими требованиями. Мне ответил когда-то в Германии один трактирщик, который и сам был социал-демократом, на вопрос, чего, по его мнению, хотят социалисты:

Sie wunschen mehr zu verdienen (они хотят побольше получать). В этом простодушном ответе, в этом примитивном понимании заключается больше правды, чем это кажется. Такое же истолкование социализма дается в настоящее время и русской жизнью. В России за два-три месяца вдруг победил социализм, и впервые мир увидел даже социалистическое правительство (которому, однако, силою вещей не только не приходится осуществлять социалистический переворот, как это полагалось бы по социалистическому катехизису, но оказывается необходимым вводить меры обуздания и борьбы с своеволием и разложением вплоть до восстановления смертной казни). Если бы я чувствовал для себя дорогими идеалы социализма и придавал им то всемирно-историческое и мировое значение, какое придают им социалисты, я был бы глубоко потрясен и угнетен этою, можно сказать, идиотизацией социализма, какую мы сейчас наблюдаем в России. Эта победа социалистического блока на выборах по городам, это повальное раболепство перед социализмом, пред лицом таких фактов, как мародерство в тылу, к какому следует, бесспорно, относить и безмерные притязания зарвавшихся "товарищей", - "социал-буржуев", наряду с трусливым бегством "революционной" и, конечно, тоже социалистической, армии на фронте, о чем все это говорит? Вот в каком смысле по плечу оказываются массам упрощенные, мещанские лозунги социализма. И если мировая война и фактическое упразднение интернационала нанесли тяжелый удар идейному социализму, то не менее тяжелый наносит теперешняя его идиотизация и варваризация в России.

VI. ПРАВДА СОЦИАЛИЗМА

Однако, нападая на социализм за его мещанские черты, которые все-таки находят себе и значительное оправдание в бедности и обез-доленности представителей труда в нашем обществе, мы менее всего можем тем самым брать на себя защиту капитализма, отравившего своим ядом и социализм. Яд же этот состоит в том откровенно и цинично провозглашаемом убеждении, что в своей хозяйственной деятельности (также, впрочем, как и во всех других областях) человек может руководствоваться только стихийными своими побуждениями или хозяйственным эгоизмом, на котором и основана хозяйственная жизнь в наши дни. Капитализм есть организованный эгоизм, который сознательно и принципиально отрицает

подчиненность хозяйства высшим началам нравственности и религии; он есть служение маммону, маммонизм, по выражению Т. Карлейля. Никогда еще в истории не проповедовалось в жизни такое безбожное, беспринципиальное служение золотому тельцу, низкая похоть и корысть, как ныне, и хотя мир не видал еще такой хозяйственной мощи, но к чему же она теперь привела? К мировому пожару, к капиталистической войне всех против всех! Если по духовной природе своей капитализм в значительной мере является идолопоклонством, то по своему общественному значению для социальной жизни он покрыт преступлениями, и история капитала есть печальная, жуткая повесть о человеческой бессердечности и себялюбии. Одним словом, мы должны, не обинуясь, сказать, что социализм прав в своей критике капитализма, и в этом смысле надо прямо и решительно признать всю правду социализма. Если он грешит, то, конечно, не тем, что он отрицает капитализм, а тем, что он отрицает его недостаточно радикально, сам духовно пребывая еще в капитализме. Социальная наука раскрыла и раскрывает многообразные бедствия, причиняемые капитализмом, и она же вырабатывает средства для борьбы с этими бедствиями. Голоса науки и совести сходятся в том, что капиталистическое хозяйство ради общего блага должно быть преобразованным в направлении растущего общественного контроля или в направлении социализма, и в этом смысле давно уже сказал один английский общественный деятель, что "мы все теперь социалисты". Различие относится к пониманию практических вопросов о том, в каком темпе должно совершаться такое преобразование. Здесь слово принадлежит науке, социальной медицине, и разговор должен идти на почве определенных фактов и практических вопросов.

Однако можно признавать правду социализма как отрицание неправды капитализма, - и здесь его воодушевляют, несомненно, высокие чувства святого гнева, ревность к справедливости, сострадание к меньшей братии, - но наряду с этим видеть и его ограниченность и непавду, которая есть тонкое или грубое воспроизведение ограниченности и неправды капитализма. Социализм верит вместе с капитализмом, что человеческое общество строится только на экономическом интересе, известным образом регулируемом, и что иных сил не существует. Социализм разделяет с капитализмом его неверие в духовную природу человека, и это несмотря на то, что он же предрекает для него такое радужное будущее. Для социализма общественное преобразование исчерпывается внешней, прежде всего экономической реформой, и он без всякого внимания проходит мимо того, что совершается в человеческом сердце. Социализм интересуется человеком одновременно и слишком много и слишком мало, сулит ему земной рай, и, однако, его не уважает, не признавая в нем нравственную личность. Прав был Вл. Соловьев, говоривший, что социализм дает человеку не слишком много, но слишком мало. Уже на самых первых шагах социализма, еще в XVI в. в загадочной "Утопии" Т. Мора, не то шутя, не то серьезно выражено убеждение, сделавшееся общим для всего социализма, что достаточно отмены частной собственности для полной победы над порочными наклонностями в человеке. И чем дальше, тем эта мысль звучит настойчивее. Ради возвеличения человека в будущем за ним отвергается духовная самобытность и нравственная ответственность в настоящем. Для социализма человек есть денежный мешок, пустой или наполненный, так же, как и для капитализма. И эти мещанские, материалистические основы современного социализма делают его учением духовно-мертвящим, лишают его поэзии и очарования, наполняя жизнь рассудочностью и прозаичностью. На нем лежит отпечаток вульгарности, низменности и бескрылости, и это, конечно, связано с отсутствием в нем истинной религиозности, которая заменяется извращенным, грубым идолопоклонством, где идолом является толпа, - "демократия", понимаемая как экономический союз.

VII. "ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ"

Итак, существует противоположность между мировоззрением религиозным, для которого вся человеческая жизнь, в частности, и хозяйственная деятельность, протекает в согласии с законом высшей, божественной правды, и зоологическим, одну из разновидностей которого имеем мы и в социализме. Противоположность заключается здесь в духовных мотивах, но отнюдь не в самом социализме. И противоположность эта осознана была во всей глубине еще в древности, в Афинской республике IV в., когда великий философ Платон в своем произведении "Политея" начертал свой идеал социализма, который коренным образом отличался от захватного, своекорыстного, мещанского социализма, и тогда уже широко разлитого в массах. Платон указал здесь, что вся человеческая жизнь, а в частности, и хозяйственный строй должны строиться на основании высших идеальных норм "справедливости", но отнюдь не на борьбе себялюбии, единоличных и групповых. Эта же мысль легла в основу христианской проповеди в первые века христианства. Если мы будем знакомиться с произведениями христианской письменности I-I V в., мы найдем здесь весьма суровое и решительное осуждение эгоизму собственников, а нередко и частной собственности, иногда настолько резкое и беспощадное, что едва ли можно к нему прибавить даже и со стороны представителей социализма. И, однако, смысл этих нападений на собственников в том, чтобы указать им нарушение долга христианской любви и призвать к делам братолюбия и благотворительности, а вовсе не в том, чтобы разжечь ненависть и зависть в неимущих. Известно, как велика и многообразна была эта благотворительность в лучшие времена христианской истории. Однако эти нападения на частную собственность за злоупотребления ею нельзя еще считать социализмом, ибо здесь совершенно отсутствует мысль о коренном преобразовании хозяйственного и социального строя на основе замены частной собственности общественной, хотя бы по мотивам христианской любви. Эта программа так называемого христианского социализма, появляется в новое время, преимущественно в XIX в. Основная мысль "христианского социализма" состоит в том, что между христианством и социализмом может и должно существовать положительное соотношение. Христианство дает для социализма недостающую ему духовную основу, освобождая его от мещанства, а социализм является средством для выполнения велений христианской любви, он исполняет правду христианства и хозяйственной жизни. Разумеется, насколько социализм проникается антихристианским духом и отдается чарам первого искушения, он не может быть соединен с христианством, которое требует прежде всего человеческого сердца. Но в социализме, самом по себе, рассматриваемом как совокупность мер социальной политики, нет ничего, что бы не соответствовало христианской морали. Поэтому самая мысль о "христианском социализме" не имеет в себе ничего противоречивого. Принципиально "христианский социализм" вполне возможен. "Христианский социализм" имеет разные черты; вернее сказать, под этим именем скрываются стремления, нередко далеко между собою расходящиеся как в религиозном, так и социально-политическом смысле, от самых возвышенных и благородных, как, например, движение "христианских социалистов" в Англии в середине XIX в., до весьма двусмысленных, каков, например, австрийский или германский антисемитизм пастора Штекера и под. Поэтому нельзя относиться с неразборчивым доверием к тому, что иногда называет себя "христианским социализмом", ибо может оказаться при ближайшем рассмотрении, что в действительности здесь нет либо христианства (как, например, у Сен-Симона), либо социализма, или же ни того, ни другого. Русской мысли идеи "христианского социализма", именно на основе православия, также не являются чужды. Когда Ф.М. Достоевский говорит, что православие есть наш русский социализм, "пресветлое единение во Христе", то он хочет, конечно,

высказать ту общую мысль "христианского социализма", что лишь на религиозной основе можно находить надлежащее разрешение социальных вопросов. И ту мысль по-своему выражает и Вл. Соловьев, который говорит о "правде социализма", указывая в то же время на его ограниченность и на необходимость дать этой правде вселенский христианский смысл. Вопрос об оправдании социализма и религиозном его смысле многократно разбирался в новейшей русской литературе, в общем в таком же смысле. Вообще идеи "христианского социализма" сейчас имеют для себя очень благоприятную почву в России как среди православного духовенства, так и среди православного народа. Нередко высказывается пожелание о том, чтобы у нас возникла самостоятельная партия христианских социалистов. Однако едва ли можно разделить это пожелание. Пусть социалисты делаются христианами, а через то христианизируются и их социализм, но выступать с проповедью особой партии христианского социализма - это значит принижать вселенские глаголы христианства и самую Церковь ставить в положение партии. При этом грозит опасность особого, социалистического клерикализма, при котором социализм оказывается только средством для уловления душ, либо же он-то и представляется главной целью, для которой лишь средством является христианство. Но и в том и в другом случае одинаково происходит религиозный подмен. Клерикализм как стремление высшей иерархии к власти и влиятельности, свойственен наиболее папскому католицизму. Он не раз уже менял обличье в истории и в наши дни ему всего естественнее принять защитные цвета демократии и социализма. Еще Достоевский предусматривал этот поворот в истории католицизма, когда папа выйдет бос и биден к рабочему классу, чтобы завоевать его сердца социализмом, и историческая действительность до известной степени подтвердила прозрение нашего писателя (политика Льва XIII). Однако, если это происходит ради власти, а не во имя любви Христовой, мы имеем здесь лишь новую разновидность искушения в пустыне. Для Церкви невместно сливаться с какой бы то ни было партией, как союзом относительным, условным и временным, и вселенская правда ее не должна закрываться какими-либо преходящими формами. Пусть социалисты становятся христианами, тем самым социализм, как и вся жизнь наша, будет делаться христианской. Но пусть христиане осознают себя прежде всего как члены Церкви, а не как "христианские социалисты", и не ставят знака равенства между церковностью и "христианским социализмом". Иначе нам грозит та опасность, о которой говорил еще апостол, - разделения внутри самой Церкви. "Сделалось мне известным о вас, братья мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: я Павлов; я Аполлосов; я Кифин; а я Христов. Разве разделился Христос?" (I. Кор.1,11-13).

VIII. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА

Итак, христианству не только нет никаких причин бояться социализма, но есть полное основание принимать его в качестве благодетельной общественной реформы, направленной к борьбе с общественным злом, насколько эти меры не сопровождаются грубым насилием и сообразны со здравым смыслом. Но христианство совершенно отвергает все самообольщение социализма, ослепленного своими чаяниями. В глазах христианства самый радикальный социализм не содержит в себе ровно ничего радикального в том смысле, что он бессилен внести действительно существенное преобразование жизни. Пред лицом порчи и зла, коренящегося в человеческой природе, а через нее сообщающегося и всему миру, социализм есть только паллиатив. Он не затрагивает конечных причин человеческих страданий, в этом смысле он принадлежит вообще области срединности, которую лишь по духовной слепоте своей он принимает за нечто предельное и радикальное. Как медицина в состоянии бороться с болезнями и в отдельных случаях их побеждать, однако совершенно бессильна победить

самую болезненность, источник болезней и смерти, так и социализм борется успешно или малоуспешно с частными причинами бедности и насилия, не будучи в силах их совершенно исторгнуть. По своему паллиативному характеру социализм не имеет значения радикальной жизненной реформы, он есть благотворительность, одна из ее форм, указываемых современной жизнью, - и только всего. Торжество социализма в жизнь не вносило бы ничего существенного. Также будут страдать и умирать люди, любить и ненавидеть, завидовать и тщеславиться, предаваться тем же страстям и порокам, что и теперь, хотя и на иной манер, и также духовная высота будет достигаться только личным подвигом, усилием восхождения. Надо так слепо верить во всеислие экономической среды над человеком, как социалисты, чтобы допускать, что с изменением ее изменится и человеческая природа. Человек вовсе не есть такая кукла или механизм, заводимый хозяйственной средою. Социализм обидно думает о человеке в этом своем оптимизме. Если даже допустить, что прекратятся страдания от голода и будет совершенно-побеждена нужда (чего, впрочем, нельзя ожидать в полной мере), то тем чувствительнее станут нравственные страдания, уколы самолюбия, раны любви, сомнения и, наконец, ужас скуки и тоски от праздности, от досуга, с которым так мало люди умеют справиться достойно. Посмотрите теперь на жизнь обеспеченных и богатых классов, на которых не лежит гнет нужды и заботы: как далека, она от социалистических представлений. Пессимизм Гартмана, согласно которому человечество стремится к окончательному разочарованию и всеобщему самоубийству, имеет по всяком случае столь же много или столь же мало оснований, как и социалистический оптимизм с его детским неведением зла в человеке и полным непониманием человеческой природы. Христианство одинаково далеко, конечно, и от этого оптимизма, и от этого пессимизма: оно видит в истории выявление и углубление борьбы добрых и злых начал, их трагическое противоборство, которое становится все напряженнее, и перед концом мира, в конце истории, достигает наибольшей остроты. И социализм есть только одна из исторических ступеней на этом пути, исторический эпизод, - не более.

Впрочем, христианство не только не верит в то, чтобы страдание в человеке могло быть побеждено социализмом, но и не видит в том ничего желательного, ничего идеального. Напротив, это было бы духовным падением для человека, понижением его существа. Ибо не для счастья рожден человек, и не к счастью должен он стремиться, но к духовному росту, который совершается лишь ценою борьбы, страданий, испытаний. Не счастье, но блаженство, духовная радость, не сонное благополучие, но горение и парение духа способны насытить душу человека. Современный гуманизм, так называемая гуманность, считает злом всякое страдание и хочет освободить от него человека, 'задача столь же не исполнимая, сколь и неверная. Есть, действительно, страдания унижающие, притупляющие человека, но таковым же может явиться и благополучие, то самое "мещанское счастье", которое сулит вместе со здоровым пищеварением будущему человечеству социализм. И конечно, если бы такое мещанское счастье сделалось всеобщим достоянием, человечество задохнулось бы от пошлости этого самодовольного благополучия, мир постигла бы своеобразная социалистическая варваризация, предвкушение которой мы имеем уже и сейчас, и тогда немногим, уцелевшим духовно, осталось бы прятаться в подземелье от этой атмосферы социалистического мещанства.

А мы, мудрецы и поэты, Хранители тайны и веры, Унесем зажженные светлы В катакомбы, пустыни, пещеры.

(В. Брюсов)

Но никогда не наступит это мечтаемое благополучие, ибо не к гармонии и спокойствию, но к последним потрясениям движется мир.

IX. "ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ, ПРОРОЧЕСТВА НЕ УНИЧИЖАЙТЕ"

Итак, в отношении к социализму для христианства должны оставаться руководящими призывы апостола, из которых первый гласит:

"духа не угашайте", ибо социализм грозит великим угашением духа, но к нему присоединяется тотчас и второй призыв: "пророчества не унижайте". Надо расслышать "пророчество" и в социализме и не унижить его невниманием или предубеждением. Пророчество в социализме есть глухое и темное, однако неистребимое предчувствие о том, что "преходит образ мира сего", растопится его кора, и в водах мироздания "Божий лик отобразится вновь". Слепо и глухо это пророчество в социализме по сравнению с тем, как дано оно в христианских обетованиях о новой земле и новом небе, в них же правда живет:

"се Аз творю все вновь". Но за то именно в ту эпоху, когда побледнели и временно притупились в христианстве эти предчувствия, в социализме они получили известную жизненную силу. Социалистический апокалипсис для многих стал заслонять собой христианский именно потому, что ослабел в сердцах этот последний. Однако, если мы вспомним о радостной эпохе первохристианства, которая вся была проникнута апокалипсисом, ожиданием скорого пришествия Спасителя и всеобщего мирового переворота, мы можем указать надлежащее место робким и нерешительным мечтаниям социализма о хозяйственном перевороте, который обеспечит всеобщую сытость. Но еще возгорится в христианстве - вскоре, быть может, уже ныне - это победное ожидание, зов всей твари в человеческом сердце: "ей, гряди, гряди вскоре".

Социализм и христианство, хотя по существу дела между ними и могло бы не быть столкновения или соперничества, однако сталкиваются в настоящее время враждебно. Социализм относится непримиримо к христианству, да в сущности и ко всякой другой религии, ибо сам хочет стать религией и вытеснить всякую другую. Он требует веры в человека, как в Бога, а в законы хозяйственного развития, как в божественный промысел. В социализме можно усмотреть при благожелательном взгляде некое пророчество, но он, вместе с тем, есть несомненно и лжепророчество, которое уводит от Христа и веры Христовой. И потому, как бы ни было ценно и благотворно его социальное воздействие, его религиозное значение теперь убийственно и притупляюще, он пользуется специальными благами, действительными или призрачными, в качестве прельщения, воспроизводя первое искушение в пустыне. И надо найти в себе религиозную силу, чтобы жизненно, а не на словах только ответить социализму: не о хлебе едином живет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих. Социализм есть проповедь царства от мира сего, пророчество о построении башни, последняя и самая решительная попытка человечества устроиться без Бога, добыть земной рай, с тем, чтобы совершенно и окончательно забыть об утраченном Эдеме, о небе. Христианство же есть царство не от мира сего, хотя путь к нему проходит и через этот мир, оно готовится в человеческой истории. Еще блаженный Августин, бывший очевидцем величайшего мирового потрясения - падения Рима, выразил с полной ясностью мысль о том, что два града строятся в человеческой истории, два начала строительства противоборствуют. Одно начало - Христово, которое содержится в христианской церкви, а другое - царство человеческое, причем, когда человек остается без

Бога, то царство его становится дьявольским, антихристовым. И чем дальше совершается история, тем отчетливее и резче вырисовывается эта двойственность духовных начал европейской истории. В сердцах человеческих идет эта борьба, решается вопрос о том, кому поклониться и поверить: Христу, царство Коего не от мира сего, или же князю мира сего. Эта же борьба идет и в душе социализма. Но никакие блага мира, никакие его обетования не должны угасить в христианской душе веры и любви к Спасителю, Который сказал Своим ученикам:

"Без Мене не можете творити ничего же". Который научил нас молиться: "Да приидет Царствие Твое".

Примечание. Желающие получить более подробное знакомство и более широкое обоснование мыслей, здесь выраженных, могут обратиться к следующим моим книгам: 1) От марксизма к идеализму. 1903 г. 2) Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Два тома. 1910 г. 3) Философия хозяйства. 1912 г. 4) Очерки по истории экономических учений. Вып. I. 1913 г. 5) Свет невечерний. Созерцания и умозрения 1917 г.